

В. А. Орав

**Играя в прятки с Левиафаном.
Рецензия на книгу:**

***Хлевнюк О. В.* Корпорация самозванцев.
Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР.
М., 2023**

Бывают такие моменты, когда берешь в руки очередную книгу автора, который известен тебе как солидный исследователь, и испытываешь разочарование: «Ну, вот, еще один историк увлекся писанием беллетристики». Признаться, поначалу такое ощущение вкупе с недоумением у меня было, когда я взял в руки новую монографию Олега Витальевича Хлевнюка «Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР».

Книга посвящена советскому теневому предпринимателю и авантюристу излета сталинской эпохи Николаю Максимовичу Павленко (1908 или 1912 — 1955), который создал нелегальную военно-строительную организацию «Управление военного строительства» (далее — УВС) в 1948 г., выдававшую себя за структуру Министерства вооруженных сил СССР, и руководил ею до своего ареста в ноябре 1952 г. Этому сюжету из истории советской эпохи посвящено огромное количество журналистских статей и фильмов, подчас довольно низкого качества. Тема как бы оказалась скомпрометированной, и обращение к ней серьезного историка на первый взгляд показалось странным.

Однако при ознакомлении с содержанием мое первое впечатление быстро развеялось, и я убедился в том, что это действительно плод основательной и кропотливой научной работы.

Несмотря на сравнительную узость источниковой базы, автору удалось максимально использовать информационный потенциал доступных ему документов. В книге реконструированы, пусть и с некоторым приближением, состав руководства организации, условия труда в ней, организация снабжения материалами и оборудованием и т. п.

«Главная задача книги, — пишет Олег Витальевич, — изучить корпорацию Павленко как часть советской социально-экономической действительности, открывающую многие незаметные и малоисследованные черты общего». И эта задача, по-моему, в данном исследовании решена в полной мере.

Пусть тема книги и хорошо представлена в средствах массовой информации, в конечном счете мы мало знаем и об организации Павленко, и о подпольном предпринимательстве сталинской эпохи в целом. Обычно, если тема достаточно хорошо разработана, вне поля зрения зачастую остается какая-то часть литературы. В процессе чтения возникло впечатление, что автор использовал вообще всю историографию, какую только возможно, все публикации, прямо или косвенно затрагивающие тему книги, что также достаточно показательно. Автор заключает: «...доступных источников об организации Павленко у нас много, но не так много, как хотелось бы» (с. 34); «для анализа советской теневой экономики на всем протяжении ее существования не хватает конкретных фактов» (с. 23).

В настоящем обзоре я не ставлю своей задачей пересказ и разбор содержания книги, а хочу предложить идеи, возникшие в процессе чтения, для дальнейших исследований, и развить некоторые наблюдения автора рецензируемой монографии.

Свои соображения я бы разделил на две группы. Первая — это вопросы в рамках исследований чисто исторического характера. Вторая — анализ результатов исторических исследований с несколько необычной стороны, с точки зрения экономической науки, если выражаться конкретнее, с точки зрения экономической теории австрийской школы (далее — АЭШ) и тесно связанной с ней философии анархо-капитализма.

Первая группа вопросов вытекает непосредственно из заголовка книги.

Самозванство — феномен, в контексте истории России обычно ассоциируемый с XVII и XVIII вв. Первым самозванцем на Руси, как указывает академик А. М. Панченко, был Лжедмитрий I, а до начала XVII в. ни одного факта самозванства в нашей стране не известно. И совсем уж необычно, что это понятие используется применительно к реалиям XX в. Можно с большой долей уверенности утверждать, что представленные в книге, помимо организации Павленко, примеры самозванства — лишь малая капля в море аналогичных случаев. Ведь сколько еще самозванцев остались неразоблаченными? Вряд ли можно будет дать четкий ответ на этот вопрос.

Существует ли корреляция между ростом государства и увеличением количества и многообразия проявлений самозванства? В чем общее и каковы различия между самозванцами Московского царства, Российской империи и Советского Союза? Эти и им подобные вопросы могли бы стать темами новых исследований.

Гораздо больше вопросов возникает при попытке анализа исторического материала с точки зрения экономической теории. На мой взгляд, знание последней совершенно необходимо историку.

Несчастьем современной исторической науки можно назвать невежество историков в области экономической теории, что резко снижает качество работ и зачастую ведет к неверным выводам. Например, на одной из конференций, на которой довелось побывать пишущему эти строки, докладчику задали вопрос: почему большевики так и не отказались от денег? Внятного ответа не последовало. Ответ ведь очень прост: невозможность экономического расчета при социализме (теорема Мизеса — Бруцкуса).

Что же такое социализм?

По ставшему уже общепризнанным определению испанского экономиста австрийской школы Х. У. де Сото, социализм — это любая институциональная (т. е. систематическая) агрессия против свободного проявления предпринимательства¹.

В свободном обществе, основанном на разделении труда, люди занимаются деятельностью, направленной на совершение взаимовыгодных обменов и получение прибыли. Постоянно меняющиеся рыночные цены служат своего рода сигналами о том, какие потребности существуют у других людей и чем именно следует заниматься. Таким образом, в процессе деятельности (по большому счету всегда являющейся предпринимательской) порождаются, передаются через цены и используются другими людьми для достижения собственных целей сведения о конкретных обстоятельствах времени и места: потребностях других людей, относительной редкости факторов производства и т. п. С помощью цен достигается координация деятельности неограниченно большого числа индивидов. Важно отметить, что посредством цен передается огромный объем не только той информации, которая может быть сообщена словами, но и так называемого неартикулируемого знания, которое не может быть сообщено с использованием слов, ни статистикой, ни каким-либо другим способом².

Социализм предполагает запрет на свободную деятельность путем институциональной агрессии со стороны государства. Порождение, передача и использование рыночной информации становятся невозможными, а вместе с ними и экономический расчет — выбор наиболее рационального (наименее затратного с точки зрения расходования ресурсов) варианта из множества технологически возможных цепочек производства³.

Из этого следует, что в полной мере реализация социалистической теории на практике невозможна, но она возможна в той мере, в которой правящая

группа может отступить от доктрины. При этом предпринимательство может быть чрезвычайно затруднено (но никогда не исчезает полностью), а экономический расчет задействуется в меньшей мере, чем в условиях свободного рынка. Координация нарушается. Именно так и было в советской системе.

Де Сото сделал несколько общих теоретических выводов относительно последствий социализма для общества: нарушение координации деятельности, порождение ложной информации и безответственное поведение, разложение моральных и правовых норм, направление предпринимательской энергии людей не на созидание ценностей, а на воздействие на органы власти в выгодном для себя направлении, т. е. на коррупцию, формирование коррупционных рынков вокруг этой деятельности, отставание в социальном, экономическом, технологическом и культурном развитии (а то и вовсе регресс)⁴.

Кстати говоря, частным случаем формирования коррупционных рынков можно считать рынок поддельных документов, весьма развитый, по наблюдению автора рецензируемой книги, в сталинскую эпоху (с. 208–209).

Одним из наиболее важных результатов социализма является широкое развитие теневой экономики: «Он [социализм] запускает неумолимую социальную реакцию, в ходе которой различные действующие субъекты, насколько им это удастся, систематически не подчиняются приказам руководящего органа, предпринимая действия и вступая во взаимодействие вне той “правильной” рамки, на создание которой направлены приказы. Таким образом, за спинами тех, кого руководящий орган считает “правильными”, начинается целый социальный процесс, который показывает, до какой степени институциональное принуждение обречено на неудачу в долгосрочной перспективе из-за того, что оно противоречит фундаментальной сути человеческой деятельности»⁵. Масштаб этой экономики зависит от степени институционального принуждения, которому подвергается общество. С этим процессом тесно переплетается и резкое возрастание значения личных связей: «На практике, чем более интервенционистской является система, тем более необходимым и важным становится блат, и тем больше сфер в жизни общества он затрагивает... Люди полагаются на личные связи в ущерб типичным для свободного мира видам взаимодействия, более абстрактным и безличным, где, соответственно, вопрос знакомства отходит на задний план, подчиняясь главной задаче — реализации собственных целей посредством максимально возможного удовлетворения интересов других людей в том виде, как их выявляет рынок»⁶.

Следует подчеркнуть, что все данные наблюдения сделаны современными представителями австрийской школы путем чисто логических рассуждений, без обращения к эмпирическим данным, и они четко совпадают с тем, что мы видим в рецензируемой книге.

О. Хлевнюк пишет, что Павленко не был антисоветчиком, его деятельность (и ему подобных предпринимателей) объективно поддерживала систему на плаву, но с точки зрения власти, руководившей в данном случае ображениями доктринального характера, он был, безусловно, врагом.

Автор отмечает своеобразное переплетение государства и рынка: «Советская экономическая система... включала в себя многочисленные рыночные (квази-рыночные) элементы и частное предпринимательство. Эти формально инородные экономические практики можно назвать внесистемными: они противоречили намерениям государства. Однако их вполне можно считать системными, поскольку они являлись органической частью советской экономики и играли в ней важную роль» (с. 23); «Плановая экономика не могла работать без дополнительных стимулов и параллельных структур-подпорок» (с. 133).

Терминология и речевые обороты, употребляемые историками, не очень подходят для экономико-исторического анализа. Они неявно предполагают, что общество устроено наподобие некоей пирамиды, на вершине которой находится правительство, у основания — рядовые налогоплательщики. Ядром, стержнем общества в этой картине мира является государство, и все проявления деятельности людей в обществе рассматриваются относительно этого ядра.

Представляется гораздо более продуктивным другой подход, в котором общество является сетью, связывающей между собой множество добровольно обменивающихся благами друг с другом людей. У нее нет центра, откуда бы осуществлялось управление процессами, происходящими в сети. Агрессия государства подавляет сеть, не давая ей расти и уменьшая число звеньев в ней. При этом следует иметь в виду, что государство не может существовать без общества, а агрессия принципиально неспособна создать жизнеспособную экономическую систему и не является экономической деятельностью в собственном смысле этого слова. Рынок существует всегда, даже в условиях тоталитарного государства. Однако размеры общественной сети несоизмеримо меньше, чем если бы общество не подвергалось агрессии совсем либо в меньшей степени.

Важное исследовательское направление, на которое обратил внимание автор, — это описание возможных пределов власти государства над обществом. В самом общем виде на этот вопрос можно ответить так: невозможность существования государства без общества и является тем пределом, который не позволяет государству расширяться до бесконечности.

Рынок не является подпоркой командно-административной системы, его следует рассматривать как единственную действующую экономическую систему, подвергаемую деформациям со стороны государства. Тот факт, что государство (тем более социалистическое, тоталитарное) не является необходимым элементом для функционирования общества, отчасти отразился в таком наблюдении автора: в УВС не было партийной и комсомольской организации (по причинам конспирации), и «отсутствие коммунистов и комсомольцев не мешало организации строить дороги». А у «начальника разведки» УВС Константинова, которому много приходилось взаимодействовать с должностными лицами, не было случая, когда его попросили предъявить партбилет (с. 204). В то же самое время автор указывает на важную корреляцию между усилением

репрессивного давления государства и ростом цен на потребительские товары, производимые частником (с. 27).

Как отмечает автор, блат, взятки и неформальные связи с чиновниками, патрон-клиентские отношения были необходимым условием деятельности руководителей всех советских предприятий и учреждений во все периоды советской власти. «Однако для Павленко, — продолжает автор, — этот вопрос имел особую остроту. Фиктивный характер организации делал ее особенно зависимой от прочных и доверительных отношений с теми, кто распределял заказы, ресурсы, имел власть на местах» (с. 125–126). Основываясь на ряде свидетельств, исследователь делает вывод о высокой степени значимости практик блата и коррупции (с. 127). Сама легкость, с которой Павленко и его соратникам удавалось улаживать конфликты и существовать достаточно долгое время, не будучи раскрытыми, уже сама по себе указывает на чрезвычайно широкую распространенность коррупционных отношений в СССР сталинской эпохи.

Л. фон Мизес заметил: «Цены — явление рыночное. Они порождаются рыночным процессом и являются спинным мозгом рыночной экономики. Вне рынка цен не существует. Цены нельзя, так сказать, сконструировать синтетически»⁷. На примере повседневной деятельности УВС мы видим, что устанавливаемые государством цены на продукцию и факторы производства были не более чем фасадом. Рыночные цены никуда не исчезли: оплата товаров и услуг по ним осуществлялась в форме взяток. Отсюда и широкое распространение «толкачества», с которым государство ничего не могло поделать.

Во время суда над Павленко и его поделщиками вскрылась еще одна важная черта, характерная для мировосприятия социалистов всех толков, а равным образом и для представителей *main stream* современной экономической науки: абсолютное непонимание роли предпринимательства.

Павленко писал летом 1955 г. в своем прошении о помиловании: «Обвинение и трибунал во время судебного разбирательства резюмировали, что строили рабочие, а не вы, и вашего полезного труда здесь нет... Неужели для обвинителя и состава суда не было известно, что ни одно маленькое или большое строительство не обходится без производственно-технического, счетного и снабженческого персонала[?]» (с. 299).

Безусловно, Павленко не мог знать о теории предпринимательства, разработанной в рамках АЭШ (хотя это и не помогло бы ему сохранить жизнь). Предпринимательство в широком смысле — это любая человеческая деятельность. Оно определяется как способность предвосхищать будущие нужды людей и присуще любой человеческой деятельности⁸. Грубо говоря, приступая к какому-либо производственному процессу, опираясь на рыночные цены, предприниматель высчитывает, что именно нужно производить, чтобы удовлетворить желания потребителей, комбинирует различные факторы производства. Получение прибыли является сигналом, что результаты данной деятельности соответствуют потребностям других людей. Павленко выполнял в УВС именно

такую предпринимательскую функцию, отдавая распоряжения о закупках сырья, найме рабочих, заключая договора на строительство дорог. Не будучи способным осмыслить этот факт теоретически, он в какой-то мере смог интуитивно подойти к его пониманию.

О. Хлевнюк пишет, что о разоблачении УВС Прокуратурой СССР было доложено И. В. Сталину, но его реакция неизвестна (с. 239–241). Проблема участия руководителей партии и правительства в решении судьбы участников УВС вновь возникает при вынесении смертного приговора Павленко и приговора длительных сроков заключения его подельникам в 1955 г. Единственно ли решил К. Е. Ворошилов оставить приговор «высшая мера наказания» в силе? Или это обсуждалось как-то в Президиуме ЦК КПСС? Окружению Сталина определенно было известно о существовании УВС (с. 241).

Как указывает автор, в приговоре по делу УВС имеется странный пассаж, объяснение которому он затрудняется предложить: «Это беспрецедентный случай в истории нашего государства после Гражданской войны» (с. 301). Осмелимся высказать свои догадки на этот счет.

Со значительной долей уверенности, на мой взгляд, можно утверждать, что И. В. Сталин знал о деле УВС и как-то отреагировал на него. Не случайным представляется тот факт, что в своей докладной записке Сталину Генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов приложил фотографию членов корпорации в военной форме и отметил наличие у них огнестрельного оружия. Вышло так, что под носом у Советской власти имелось довольно значительное количество хорошо законспирированных вооруженных мужчин (с. 239). Весь огромный аппарат государства, в том числе и госбезопасность, не смогли их своевременно разоблачить, проявив ярко выраженную безынициативность. А что было бы, если бы эти люди подняли мятеж против Советской власти? Ведь УВС работало и в Волынской, и в Тульской, и в Смоленской областях (совсем близко от Москвы). Да, вооруженные группы были и на Западной Украине, и в Прибалтике, но они действовали открыто и в отдаленной сельской местности. Дело УВС показало, что режим, несмотря на все свои усилия, контролирует ситуацию не в той мере, как бы хотелось его руководителям. Этот факт также следует воспринимать в контексте социального напряжения в советском обществе поздней сталинской эпохи, неуверенности большевистских вождей в прочности своей власти. Любая такая искра могла привести к пожару, который бы не удалось ликвидировать.

В какой-то мере ответ на поставленный через абзац выше вопрос содержится и на других страницах книги. О. Хлевнюк указывает, что на фоне даже вполне легальных советских богачей доходы членов организации Павленко были довольно скромными. При обысках у них не было найдено каких-либо значительных ценностей, а организация «имела важную специфику, занимаясь не самыми прибыльными строительными работами. При этом организация была нацелена на длительное существование, а поэтому реально выполняла

полученные заказы на приемлемом уровне» (с. 187). Вместе с тем существовал гораздо более простой и быстрый путь: перепродажа товаров советской торговли по ценам рынка. Так делали многие. Сорвав куш, подобного рода предприниматели исчезали.

Важной особенностью человеческой деятельности является временное предпочтение: одно и то же благо, доступное для потребления сейчас, ценится выше, чем то, которое будет доступно в будущем. С точки зрения АЭШ стратегия Павленко характеризуется низким временным предпочтением, т.е. готовностью заниматься более длительным производственным процессом, чтобы получить более ценные с точки зрения действующего субъекта результаты в будущем. Вместе с тем получавшие барыши работники советской торговли, соответственно, имели высокое временное предпочтение. Возможно, с точки зрения властей это и была уникальная особенность организации Павленко как своего рода частной фирмы, предназначенной к долговому существованию (хотя они, конечно, и не описывали это все в терминах АЭШ)? Им было известно и о незаконном бизнесе, и о коррупции, но с таким они, возможно, имели дело впервые. Здесь встает и другой вопрос, на который, вероятно, мы не сможем найти ответ: почему Павленко и его соратники имели низкое временное предпочтение? На что они рассчитывали? Можем ли мы при всей потенциально доступной источниковой базе сказать однозначно, было ли УВС единственным в своем роде?

Павленко не был мошенником, он действительно выполнял взятые на себя обязательства (с. 103). Автору с помощью доступных статистических данных удалось убедительно показать, что деятельность УВС была ощутимо более эффективной в сравнении с легальными государственными строительными организациями: этот вывод сделан путем вычисления соотношения между стоимостью выпущенной продукции и количеством занятых на работах в УВС и в среднем по отрасли (с. 103).

Автор указывает, что «тоталитарная система неспособна полностью ликвидировать доверие как важнейший институт социального взаимодействия» (с. 143). Сетевое доверие невозможно было искоренить именно потому, что оно значительно экономило руководителям предприятий и учреждений силы и время, необходимые для поиска информации о людях, с которыми можно совершить взаимовыгодный обмен. Без него функционирование советской экономики стало бы просто невозможным. Этот термин, введенный применительно к реалиям советского общества, можно рассматривать как частный случай более общего понятия «репутация»⁹.

Вопреки официально насаждаемому нравственному императиву проявления бдительности, ни у кого из чиновников не возник вопрос о происхождении Павленко, у него самого и его представителей даже не спрашивали документы. Практики сетевого доверия функционировали в полной мере, представляя собой ахиллесову пяту режима.

Показательно и то, что в рассматриваемый в книге исторический период, конечно, не существовало такого понятия, как «сетевое доверие», но вместо него использовалось словосочетание «притупление политической бдительности», т. е. явление обозначалось как нечто случайное, мимолетное и нетипичное. На наш взгляд, это тоже очень важный момент. Ведь если люди во власти не могли назвать вещи своими именами, то они и не могли адекватно реагировать на возникающие вызовы системе, что также стало одной из причин ее краха.

Завершая данный обзор, хотелось бы еще раз процитировать Олега Витальевича: «Действительный интерес представляет более сложная и малоизученная проблема советских социально-экономических реальностей. Какое место в ней занимали “теневые” практики, какую они играли роль? Как разрешались и, не разрешаясь, накапливались в ней многочисленные противоречия, взорвавшие в конце концов всю систему?» Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, можно дать только путем междисциплинарного исследования, сочетающего широкую источниковую базу и проведенный на основе положений АЭШ анализ фактов, излеченных из источников.

¹ *Сото Х. У. де.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., 2008. С. 29.

² *Хайек Ф. А. фон.* Использование знания в обществе // Хайек Ф. А. фон. Рынок и другие порядки. Челябинск; М., 2008. С. 134.

³ *Сото Х. У. де.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. С. 98.

⁴ Там же. С. 126–145.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ *Мизес Л., фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск, 2012. С. 370.

⁸ Там же. С. 214, 238.

⁹ Подробнее см.: Там же. С. 355.

References

- HAYEK F.A. von. Rynok i drugie poryadki [Market and other orders]. Chelyabinsk; Moscow, 2008.
- MIZES L. von. Chelovecheskaya deyatel'nost'. Traktat po ekonomicheskoy teorii [Human action. A treatise on Economics]. Chelyabinsk, 2012.
- SOTO H. U. de. Socializm, ekonomicheskij raschet i predprinimatel'skaya funkciya [Socialism, economic calculation and entrepreneurial function]. Moscow, 2008.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. А. Орав. Играя в прятки с Левиафаном. Рецензия на книгу: Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023 // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 219–229

Аннотация: Новая книга видного специалиста по истории России сталинской эпохи О. В. Хлевнюка посвящена истории нелегальной частной фирмы «Управление военного строительства», созданной в 1948 г. Н. П. Павленко — яркому эпизоду подпольного предпринимательства и коррупции в СССР периода позднего сталинизма. Несмотря на то что данная тема неоднократно становилась объектом журналистских спекуляций, фактически серьезных научных исследований по ней мало. Плохо изучены и организация Павленко, и советское подпольное предпринимательство в целом. В настоящем обзоре рецензент на примере данной книги предлагает новый исследовательский теоретический подход к анализу исторического материала, заключающийся в анализе информации, содержащейся в источниках, с позиций экономической теории австрийской школы. В австрийской школе социализм определяется как систематическая агрессия против свободного предпринимательства. Последовательная практическая реализация теоретической концепции социализма невозможна, поскольку в отсутствие рыночных цен, денег и частной собственности на средства производства невозможен выбор наименее затратной с точки зрения расходования ресурсов производственной цепочки. В условиях реального социализма предпринимательство может быть чрезвычайно затруднено (но никогда не исчезает полностью). Поэтому неизбежным следствием реального социализма является широкое развитие теневой экономики. Легкость, с которой Павленко и его соратникам удавалось поддерживать свою «фирму» нераскрытой достаточно долгое время, косвенно указывает на чрезвычайно широкую распространенность коррупционных отношений в СССР сталинской эпохи. В конце книги О. В. Хлевнюк задает вопрос: какую роль теневая экономика сыграла в эволюции и крушении советской системы? По мнению рецензента настоящей книги, ответ на этот вопрос могут дать только междисциплинарные исследования, сочетающие широкую источниковую базу и анализ фактов с позиций экономической теории австрийской школы.

Ключевые слова: теневая экономика, коррупция, поздний сталинизм, социализм, экономическая теория австрийской школы, самозванство, предпринимательство, экономический расчет, рынок, государство, институциональный агрессор, междисциплинарное исследование.

FOR CITATION

V. A. Orav. Playing hide-and-seek with Leviathan. Review on the book: Khlevniuk O. V. The cheater's corporation: shadow economy and corruption in the Stalin's USSR. Moscow, 2023 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 219–229

Abstract: The new book of famous Stalin's age Russian history specialist O.V. Khlevniuk tells on the history of illegal private firm so-called "The department of military construction". The firm was established by secret Soviet businessman Nicolay Pavlenko in 1948. It is bright episode of shadow economy and corruption in the late Stalin's USSR. Despite of the subject became an issue of many journalists' speculations, in fact there are few serious scholar researches. The issues of a Pavlenko's organization and of an illegal business activity generally is badly studied. In this review a critic on an example of the book suggests a new research theoretical approach for analysis of historical material. The essence of this approach is analysis by using of Austrian economics scientific school propositions. In the frame of Austrian school socialism is defined as a systematic aggression against free entrepreneurship. Full practical realization of socialism theoretical conception is impossible because choice of most rational production process with the least expenditure resources is impossible without market prices, money and private property to production means. In conditions of real socialism entrepreneurship is strongly complicated but it is not eliminated absolutely. Therefore inevitable consequence of real socialism is a wide spreading of shadow economy activity. The possibility of Pavlenko's illegal private firm existence for a long time indirectly indicates to very broad distribution of corruption during Stalin's age. The author asks in the end of the book: what function illegal activity had in evolution and

collapse of Soviet system? In the opinion of the reviewer of this book, only multidisciplinary studies will give answers to the question. This multidisciplinary studies have to combine wide source base and the economic theory of the Austrian school.

Key words: shadow economy, corruption, the late Stalin's USSR, socialism, Austrian economics scientific school, cheatership, entrepreneurship, economic calculation, market, state, the institutional aggressor, multidisciplinary study.

Автор: **Орав, Владимир Алексеевич** — к. и. н., главный архивист ЦГА СПб.

Author: **Orav, Vladimir Alekseyevich** — PhD of history, main archivist of Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: v.oraw@yandex.ru